

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1316-1325
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1316
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«Government Colonization» of the Murmanskij Coast of the Barents Sea: Demographic View According to the Parish Registers (1873–1920)

Pavel V. Fedorov ^{a, *}, Alexey A. Malashenkov ^a

^a International Banking Institute, Russian Federation

Abstract

The article notes that the lack of demographic statistics is a significant problem for studying the history of Russian colonization. One of the ways to solve it may be the reconstruction of demographic data on the sources of primary population accounting, in particular, on parish registers.

This article presents some results of processing the Orthodox parish registers of the Murmanskij coast of the Barents Sea for 1873–1920. The resulting picture significantly complements and corrects the ideas existing in historical science about the project of «government colonization» launched in this area of the Russian Arctic during the era of the «Great Reforms», based on the provisions approved by Alexander II in 1868 and 1876.

The revealed demographic statistics show that in the process of «government colonization» of the Murmanskij coast, the social adaptation of the Orthodox population had a positive dynamics. Not only the number of residents increased, but also the family-related structure was actively formed. The local population preserved their moral character and observed Orthodox church customs, as evidenced by the data on the extreme rarity of the «third marriage», the refusal to marry during the fasts before Easter and Christmas, as well as a decrease in the proportion of conception during these periods.

The success of the social adaptation of Orthodox believers on the Barents Sea coast was prepared during the seasonal colonization by Russian fishermen who for many centuries came to the Murmanskij coast from the shores of the White Sea. The territory of the Arkhangelskaya guberniya has become the main supplier of residents of the Murmanskij coast. At the same time, since the beginning of the XX century, migrants from other places of the Russian Empire have also moved here.

Keywords: colonization, demography, Arctic, Great Reforms, Russian Empire, birth rate, marriages, family, Kola peninsula, fishing, migration.

1. Введение

Аналитический потенциал данных учета населения неплохо освоен в исторической науке как в рамках старого и уже признанного направления – исторической демографии (Жеребцов, 1996 и др.), так и в относительно новых областях, группирующихся, например, вокруг «социальной истории» (Миронов, 2000 и др.). Правда, потенциальные возможности ограничивают сами источники: актуальными остаются вопросы к полноте и корректности данных демографической статистики по губерниям Российской империи, сбором и обработкой которой занимались в том числе так называемые губернские статистические комитеты. В научной литературе уже приводились примеры неточности этих статистических данных (Малашенков, Федоров, 2011: 11-13).

Отсюда неизбежно встает вопрос об инструментах верификации демографической статистики Российской империи на основе привлечения материалов первичного учета населения (главным образом, метрических книг). Работа с этой группой источников позволяет не только верифицировать, но и фактически выявлять новые данные, взятые в динамике. Учитывая, что недостаток качественной

* Corresponding author

E-mail addresses: sever-nordica@yandex.ru (P.V. Fedorov), malashenkov_84@list.ru (A.A. Malashenkov)

демографической статистики является проблемой источниковой базы досоветского периода, обращение к материалам первичного учета населения позволяет решать ее хотя бы локально – на материалах отдельных территорий и в рамках отдельных периодов. Этот подход, хорошо известный в западноевропейской историографии (Henry, 1956 и др.), ныне переключался в российскую историческую науку (Смирнова, 2002; Совков, 2004; Малащенко, Федоров, 2010 и др.).

В данной статье представлены результаты обработки материалов первичного учета населения православного вероисповедания (метрических книг) с целью выявления отсутствующей демографической статистики по Мурманскому берегу Баренцева моря за вторую половину XIX – начало XX веков.

В течение многих столетий данная территория являлась местом, которое русские рыбопромышленники посещали только сезонно. В эпоху «Великих реформ» правительство Александра II решило превзойти достигнутый уровень и сформировать на Мурманском берегу постоянное население, для чего был введен целый ряд льгот для желающих поселиться здесь. Начало «правительственной колонизации» было заложено высочайше утвержденным положением Комитета министров «О льготах для поселенцев Мурманского берега в Архангельской губернии» от 22 ноября 1868 г. (ПСЗ-II. № 46467), а затем уточнено и дополнено высочайше утвержденным положением «О льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманский берег» от 14 мая 1876 г. (ПСЗ-II. № 55934).

Демографические процессы, происходившие среди населения Мурманского берега в период перехода от сезонного к оседлому образу жизни во время «правительственной колонизации», не освещены в научной литературе по причине отсутствия самих демографических данных. По этой же причине значительно страдает научная оценка колонизационных мероприятий, которая нередко базируется только на субъективных суждениях современников. В данном исследовании поставлена цель восполнить этот пробел хотя бы в той мере, в какой это позволят сделать приходские документы первичного учета населения.

2. Материалы и методы

2.1. Для оценки численности населения могут оказаться весьма полезными духовные росписи, в которых указывался состав приходской общины. Однако в Государственном архиве Мурманской области (ГАМО) сохранились духовные росписи только за отдельные годы и только по двум береговым приходам – Териберскому и Рындскому. К тому же в эти духовные росписи, как выясняется, включалось не все население колоний, а только в основном семейно-родственные коллективы из числа колонистов, священников или чиновников. При этом зачастую не учитывались те лица, которые, приехав на Мурман из разных уездов Архангельской губернии, оставались жить под своими старыми, главным образом крестьянскими статусами. Их могли рассматривать, по-видимому, временным населением, подобно приходившим в эти же места промышленникам. Однако это было не совсем так: семьи, жившие на Мурманском берегу в качестве крестьян различных уездов Архангельской губернии, могли являться полноценными «поставщиками» демографической статистики, поскольку заключали браки, рожали детей и хоронились на берегу, как и те, кто принадлежал к числу колонистов, духовному сословию или поступал на службу местным чиновником. Таким образом, духовные росписи характеризуют лишь некоторую часть состава приходской общины по Териберскому и Рындскому приходам и не могут сообщить даже приблизительных сведений по численности постоянного населения Мурманского берега.

В данном исследовании рассматривались метрические книги, которые представляют значительный интерес для выявления разных демографических показателей, кроме численности населения. Их репрезентативность подтверждает, например, сравнение с данными альтернативного источника – посемейного списка крестьян Кольско-Лопарской волости на 1901 г. (ГАМО. Ф. 52-И. Оп. 1. Д. 207). В посемейном списке учтены колонии Восточного Мурман и Кольской губы. Сравнение проводилось по детям в возрасте до 1 года, родившимся в семьях православного вероисповедания в 1900 г. Из 21 ребенка, учтенного в посемейном списке, в метрических книгах обнаружилось сведения о рождении 20 из них (или 95,2 %), что свидетельствует о высокой репрезентативности массива данных метрических книг.

Для выявления демографической статистики анализировались метрические книги 7 приходов, расположенных непосредственно на Мурманском берегу (Печенгского, Китовского, Териберского, Гавриловского, Рындского, г. Александровска, г. Мурманска), а также еще 7 приходов, которые соприкасались с территорией Мурманского берега и где также могла вращаться часть берегового общества (г. Колы, Пазрецкого, Нотозерского, Кильдинского, Ловозерского, Понойского, Иоканьского).

Хранящаяся в ГАМО коллекция метрических книг за период с 1863 по 1920 гг. имеет определенные документальные пробелы. Отсутствуют: по Печенгскому приходу – за 1857–1872 гг. и 1876 г., по Ловозерскому приходу – за 1862–1873 гг., по Териберскому приходу – за 1885 г., по г. Мурманску – с января по март 1917 г. Таким образом, полноту коллекции метрических книг

можно признать довольно высокой, во всяком случае не исключающей саму возможность реконструкции на ее основе демографической статистики.

По береговым приходам глубина данных метрических книг, сохранившихся в ГАМО, начинается с 1873 г. (наиболее ранние – по Печенгскому приходу), по соприкасавшимся с берегом другим приходам – с 1863 г. (наиболее ранние – по Кольскому приходу).

2.2. Существенным вопросом при анализе метрических книг становится определение критериев для выборки данных. Ведь в метрические книги могли заноситься сведения о лицах, которые появлялись на Мурманском берегу случайно. На Мурмане эпизодически появлялись кочевавшие по тундре саамы или переселившиеся на Кольский полуостров группы оленеводов Печорского уезда, а также жители г. Колы. Еще больше примешивалось неберегового населения к приходам, соприкасавшимся с Мурманским берегом. Было бы некорректно включать всю эту массу в демографическую статистику побережья.

Для выборки данных из метрических книг 7 «береговых» приходов были установлены следующие критерии:

по родившимся – дети, рожденные от всех категорий лиц, за исключением крестьян саамских погостов и крестьян Печорского уезда, не являвшихся приписанными жителями Мурманского берега или г. Александровска;

по бракам – все браки, за исключением заключенных между крестьянами саамских погостов и/или крестьянами Печорского уезда, не приписанными к колониям Мурманского берега или г. Александровску;

по умершим – все умершие, за исключением имеющих отметку о погребении за пределами Мурманского берега.

Для выборки данных из метрических книг приходов, соприкасавшихся с территорией Мурманского берега, были установлены следующие критерии:

по родившимся – дети, родившиеся в семьях колонистов, должностных лиц Мурманского берега, а также лиц, приписанных к колониям Мурманского берега или г. Александровску;

по бракам – браки, в которых хотя бы один из брачующихся являлся колонистом, должностным лицом Мурманского берега, а также лицом, приписанным к колонии Мурманского берега или г. Александровску;

по умершим – лица с отметкой о погребении в колониях Мурманского берега, г. Мурманске, г. Александровске или утонувшие в привязанной к берегу акватории Баренцева моря.

Лица, приписанные к другим уездам или губерниям (за исключением Печорского уезда), до создания отдельных «береговых» приходов зачастую регистрировали рождения или браки в приходом, соприкасавшимся с берегом. Они также включались в выборку (кроме Кольского прихода, паства которого могла проживать в самом городе). Горизонт данной выборки ограничивался 1915 г. – началом строительства Мурманской железной дороги, которое привело в эти приходы мигрантов, не связанных с берегом.

3. Обсуждение

Правительственная колонизация Мурманского берега рассматривалась в отечественной и зарубежной историографии в отсутствии полных данных демографической статистики, поэтому нередко на оценки влияли установки публицистической литературы рубежа XIX–XX вв., обслуживающей интересы предпринимательских кругов и потому нередко критикующей правительственные мероприятия за недостаток финансовой базы.

Так, например, владевший на Мурмане китобойным заведением петербургский предприниматель Г.Ф. Гебель, оценивая результаты колонизационных мероприятий правительства, считал, что их слабая эффективность была вызвана недостаточностью государственной поддержки, в результате чего рядом «с дельными финляндцами и норвежцами» на Мурмане поселились «жалкие представители промыслового пролетариата» (Гебель, 1905: 82). Похожую оценку составу населения Мурманского берега давал И.Ф. Ушаков, правда, отмечавший, что государственная власть сознательно препятствовала переселению на Мурманский берег бедноты, а зажиточные промышленники селиться здесь не спешили. В этом историк видел одну из причин медленных темпов заселения Мурманна, притом, что саму правительственную колонизацию Мурманского берега Ушаков считал «сильным толчком для развития капитализма» (Ушаков, 1997: 308–324).

Из публицистической же литературы была перенесена в историографию мысль якобы о тотальной алкоголизации населения Мурманна (Попов, Давыдов, 1999: 58–73).

Столь мрачные образы Мурманского берега в период колонизации, посеянные в отечественной литературе, уже проявились и в зарубежной историографии. Норвежский историк Й.П. Нильсен считает, что россиянам было якобы неестественно жить на берегу Ледовитого океана и что до строительства Мурманской железной дороги в 1915–1916 гг. Мурманское побережье находилось в «изоляции». По его мнению, Мурман еще долго оставался бы неосвоенным, если бы норвежцы в 1860 г. не подтолкнули Россию к заселению этой прибрежной территории. Мурманский берег,

по утверждению Й.П. Нильсена, является «The Norwegian coast» («Норвежским берегом») (Нильсен, 2001; Nielsen, 2006: 10-11).

Вместе с тем первые результаты историко-демографического исследования Мурманского берега уже выявили несостоятельность бытующих подходов (Малашенков, Федоров, 2017). На данных метрических книг была подвергнута сомнению прозвучавшая еще в начале XX века (Статистические исследования...: 112-113) мысль о том, что на Западном Мурмане якобы преобладали лютеранские колонисты, а на Восточном Мурмане – православные. Демографические данные свидетельствуют, что и к западу, и к востоку от Кольского залива русское влияние было одинаково значимым (Малашенков, Федоров, 2017: 19-20). Информация православного некрополя косвенно иллюстрирует связь возникающих колоний с системой сезонного расселения промышленников – русских станович Мурманского берега, начало которым было положено еще в XVI веке (Малашенков, Федоров, 2017: 22). Обращает на себя внимание удельная доля смертей, причинами которых, по данным метрических книг, были указаны непосредственно алкоголизм или отравление алкоголем – всего 1,3 % от общего количества смертей (Малашенков, Федоров, 2017: 27). Этот показатель не столь высок, чтобы подтвердить встречающуюся в историографии идею о едва ли не тотальной алкоголизации населения Мурманского берега.

В литературе уже высказывались оценки феномена Трифоно-Печенгского монастыря рубежа XIX–XX вв. как площадки передовых технологий на Мурмане (Корольков, 1908; Федоров, 1996; Федоров, 2014: 49-50).

Инициированы дискуссии о начале колонизационных процессов на Мурманском берегу и причастности к ним России и тогдашней провинции Швеции – Норвегии (Нильсен, 2001; Fedorov, 2014; Федоров, 2021: 212-222).

«Правительственная колонизация» Мурманского берега не может быть осмыслена только лишь как местный феномен. В дореволюционном исследовании М.К. Любавского показывается, что промышленно-колонизационная политика проводилась на многих других территориях Российской империи: в губерниях и областях Сибири, Дальнего Востока, Закавказья, Причерноморья, калмыцких степях (Любавский, 1996: 392-488).

Выявлением, систематизацией и публикацией данных учета лютеранских колонистов Мурманского берега занимались С. Оннела, М. Йентофт и М. Куитула (Onnela, 1973; Йентофт, 2002: 227-234; Kuitula, 2020), однако их усилия были направлены на реконструкцию главным образом генеалогии, нежели демографической статистики.

4. Результаты

И.Ф. Ушаков приводил данные численности населения колоний Мурманского берега (включая лютеран): по переписи 1897 г. – 1964 чел., 1911 г. – 3020 чел. (Ушаков, 1997: 408-409). При том, что эти данные свидетельствовали о структурных сдвигах в заселении Кольского Заполярья и действительно значимом вкладе «правительственной колонизации» в процесс освоения Русской Арктики, все-таки из них не следовало, какие качественные изменения принесли «Великие реформы» в социальную жизнь этой европейской окраины.

Полученный нами новый корпус демографической статистики православного населения Мурманского берега позволяет сделать некоторые комментарии. Динамика среднегодового количества рождений лиц православного вероисповедания (Таблица 1) свидетельствует о нарастающих темпах роста «оседающих» мигрантов до начала XX века и дальнейшем замедлении этих темпов вплоть до 1916 г., что могло быть связано с ухудшением промысловой обстановки у берегов Мурмана в начале XX века (Ушаков, 1997: 408; Федоров, 2021: 224, 502). Начиная с 1916 г., темпы роста количества рождений начинают резко расти, на что, должно быть, повлиял приток новых мигрантов на строительство Мурманской железной дороги. Причем весь рост был обусловлен появлением Мурманска, на прочей же территории Мурманского берега динамика рождений имела тенденцию к снижению.

Таблица 1. Среднегодовое количество рождений лиц православного вероисповедания на Мурманском берегу в 1873–1920 гг.

Периоды	Количество рождений, абс. ед.	Количество рождений в среднем в год
1873–1875	28	9,3
1876–1880	60	12,0
1881–1885	97	19,4
1886–1890	123	24,6
1891–1895	161	32,2
1896–1900	280	56,0
1901–1905	403	80,6

1906–1910	525	105,0
1911–1915	613	122,6
1916–1920	1006	201,2
	в том числе:	
	Мурманский берег без г. Мурманска	
	506	101,2
	г. Мурманск	
	500	100,0
Всего	3296	68,7

Динамика среднегодового количества браков показывает, что увеличивалась не только сама численность жителей, но и активно формировалась семейно-родственная структура (Таблица 2), что не может не свидетельствовать об успешности социальной адаптации участников колонизации.

Таблица 2. Среднегодовое количество браков, заключенных между лицами православного вероисповедания на Мурманском берегу в 1873–1920 гг.

Периоды	Количество браков, абс. ед.	Количество браков в среднем в год
1873–1875	10	3,3
1876–1880	15	3,0
1881–1885	28	5,6
1886–1890	27	5,4
1891–1895	40	8,0
1896–1900	71	14,2
1901–1905	74	14,8
1906–1910	110	22,0
1911–1915	120	24,0
1916–1920	309	61,8
	в том числе:	
	Мурманский берег без г. Мурманска	
	120	24,0
	г. Мурманск	
	189	37,8
Всего	804	16,8

Моральный облик лиц православного вероисповедания косвенно иллюстрируют данные, свидетельствующие о соблюдении церковных обычаев и, в частности о крайней редкости троебрачия (Таблица 3), об отказе заключать браки в период постов перед Пасхой и Рождеством Христовым (Таблица 4), а также снижении удельной доли зачатий в эти периоды (Таблица 5).

Таблица 3. Очередность браков у мужчин на Мурманском берегу в 1873–1920 гг. (по данным метрических книг)

Периоды	Абс., ед.				%			
	всего браков	1 брак	2 брак	3 брак	всего	1 брак	2 брак	3 брак
1873–1875	10	7	3	0	100,0	70,0	30,0	0
1876–1880	15	14	1	0	100,0	93,3	6,7	0
1881–1885	28	26	0	2	100,0	92,9	0	7,1
1886–1890	27	23	3	1	100,0	85,2	11,1	3,7
1891–1895	40	32	8	0	100,0	80,0	20,0	0
1896–1900	71	61	10	0	100,0	85,9	14,1	0
1901–1905	74	60	11	3	100,0	81,1	14,9	4,0
1906–1910	110	104	6	0	100,0	94,5	5,5	0
1911–1915	120	102	17	1	100,0	85,0	14,2	0,8
1916–1920	309	273	34	2	100,0	88,4	11,0	0,6
	Мурманский берег без г. Мурманска							

	120	99	19	2	100,0	82,5	15,8	1,7
	г. Мурманск							
	189	174	15	0	100,0	92,1	7,9	0
Всего	804	702	93	9	100,0	87,3	11,6	1,1

Таблица 4. Количество браков, заключенных между лицами православного вероисповедания на Мурманском берегу в 1873–1920 гг., по месяцам

Месяцы	Количество браков, абс. ед.	Доля от общего количества браков, %
январь	157	19,5
февраль	96	11,9
март	3	0,4
апрель	64	8,0
май	64	8,0
июнь	23	2,9
июль	84	10,4
август	64	8,0
сентябрь	69	8,6
октябрь	109	13,5
ноябрь	71	8,8
декабрь	0	0
Всего	804	100,0

Таблица 5. Количество зачатий на Мурманском берегу в 1873–1920 гг., по месяцам

Месяцы	Количество зачатий, абс. ед.	Доля от общего количества зачатий, %
январь	329	10,0
февраль	264	8,0
март	229	7,0
апрель	199	6,0
май	254	7,7
июнь	243	7,4
июль	240	7,3
август	251	7,6
сентябрь	308	9,3
октябрь	356	10,8
ноябрь	342	10,4
декабрь	277	8,4
не указано	4	0,1
Всего	3296	100,0

Главным поставщиком жителей Мурманского берега была территория Архангельской губернии (Таблица 6). Это косвенно указывает на то, что успешность социальной адаптации лиц православного вероисповедания на берегу Баренцева моря была подготовлена в ходе сезонной колонизации Мурманского русскими промышленниками, в течение многих веков приходившими на мурманский промысел с берегов Белого моря. Вместе с тем с 1900-х гг., т.е. еще задолго до начала строительства Мурманской железной дороги, в числе родителей уроженцев Мурманского берега стали появляться мигранты и из других мест Российской империи (Таблица 6).

Выявленные нами данные косвенно подтверждают мнение И.Ф. Ушакова о наличии на Мурманском берегу бедной прослойки переселенцев, которую власти не хотели переводить в сословие колонистов, а за недоимки стремились вернуть на прежнее место жительства (Ушаков, 1997: 320-321). Правда, среди родителей уроженцев Мурманского берега удельная доля лиц, сохранявших приписку к местам за пределами Архангельской губернии, была незначительной, но имела тенденцию к медленному увеличению (с 4 до 7 %) (Таблица 6).

Таблица 6. Количество лиц православного вероисповедания, рожденных на Мурманском берегу в 1873–1920 гг., по месту приписки родителей, указанному в их сословном или профессиональном статусе

Периоды	Приписка родителей, %						Всего
	Мурманский берег	Кольский Север (без Мурманского берега)	Архангельская губ. (без Кольского Севера)	Российская империя (без Архангельской губ.)	Другие страны	Не указано	
1873–1875	100,0	0	0	0	0	0	100,0
1876–1880	85,0	0	15,0	0	0	0	100,0
1881–1885	93,8	1,0	5,2	0	0	0	100,0
1886–1890	91,1	0,8	7,3	0	0	0,8	100,0
1891–1895	94,4	1,9	1,9	0	0,6	1,2	100,0
1896–1900	88,2	2,2	6,4	0	1,4	1,8	100,0
1901–1905	81,2	2,7	8,7	4,7	0	2,7	100,0
1906–1910	80,2	3,2	10,1	4,2	0,6	1,7	100,0
1911–1915	81,1	1,8	8,2	7,5	0	1,4	100,0
1916–1920	47,6	1,7	7,4	39,8	0,1	3,4	100,0
	Мурманский берег без г. Мурманска						
	83,2	1,8	6,9	6,9	0	1,2	100,0
	г. Мурманск						
	11,6	1,6	8,0	73,0	0,2	5,6	100,0
Всего	73,0	2,0	7,8	14,8	0,3	2,1	100,0

5. Заключение

Выявленная демографическая статистика свидетельствует, что в процессе «правительственной колонизации» Мурманского берега Баренцева моря социальная адаптация православного населения имела положительную динамику. Увеличивалась не только сама численность жителей, но и активно формировалась семейно-родственная структура. Местное население сохраняло моральный облик и соблюдало православные церковные обычаи.

Успешность социальной адаптации лиц православного вероисповедания на берегу Баренцева моря была подготовлена в ходе сезонной колонизации Мурманска русскими промышленниками, в течение многих веков приходившими на мурманский промысел с берегов Белого моря. Территория Архангельской губернии стала главным поставщиком жителей Мурманского берега. Вместе с тем с начала XX века сюда переселялись мигранты и из других мест Российской империи.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00008 А. The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00008 A.

Литература

- ГАМО – Государственный архив Мурманской области.
 Гебель, 1905 – Гебель Г.Ф. Наша северо-западная окраина – Лапландия // *Русское судоходство*. 1905. № 7. С. 72–85.
 Жеребцов, 1996 – Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН; Сыктывкар: ИЯЛИ, 1996. 256 с.
 Йентофт, 2002 – Йентофт М. Оставшиеся без Родины. История кольских норвежцев. Мурманск: Рекламная полиграфия, 2002. 238 с.
 Любавский, 1996 – Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М.: Изд-во Московского университета, 1996. 682 с.
 Малашенков, Федоров, 2010 – Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч. 1: Словарь. 280 с.
 Малашенков, Федоров, 2011 – Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2011. Дополнительная часть. Указатели. 230 с.
 Малашенков, Федоров, 2017 – Малашенков А.А., Федоров П.В. Почва на северных скалах: Православный некрополь Мурманского берега Баренцева моря (1863–1920 гг.). СПб.: Международный банковский институт, 2017. 640 с.

Миронов, 2000 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 547 с.

Нильсен, 2001 – *Нильсен Й.П.* Мурман и Финмарк: одного ли поля ягоды? (сравнительный метод в изучении политики царской администрации по освоению Мурманского побережья) // *Меняющаяся Россия в изменяющемся мире: Сборник статей.* М.; Архангельск, 2001. С. 33-45.

Попов, Давыдов, 1999 – *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман: Очерки истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1999. 220 с.

ПСЗ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е.

Смирнова, 2002 – *Смирнова С.С.* Смертность в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв.: к вопросу о фиксации причин смерти (по материалам метрических книг) // *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер».* 2002. № 30. С. 196-199.

Совков, 2004 – *Совков Д.М.* Крестьянская семья Южного Зауралья: генеалого-демографический аспект (на примере крестьянских родов Примияссыя конца XVIII – начала XX вв.): Дисс. ... канд. ист. наук. Курган, 2004. 275 с.

Статистические исследования... – Статистические исследования Мурмана. СПб., 1904. Т. 1. Вып. 2: Колонизация (по материалам 1889, 1900 и 1902 гг.). 293 с.

Ушаков, 1997 – *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения: историко-краеведческие исследования. В 3 т. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1997. Т. 1: Кольская земля. 646 с.

Федоров, 1996 – *Федоров П.В.* История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.). Мурманск: МГПИ, 1996. 70 с.

Федоров, 2014 – *Федоров П.В.* Культурные ландшафты Кольского Севера: структура и историческая динамика. Мурманск: МГГУ, 2014. 175 с.

Федоров, 2021 – *Федоров П.В.* Россия, окруженная водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991. СПб., 2021. 726 с.

Fedorov, 2014 – *Fedorov P.V.* Murman Coast of the Barents Sea at the Second Half of the 19th and the Beginning 20th Century. Russian or European Colonization? // *Bylye Gody.* 2014. № 32. С. 162-167.

Henry, 1956 – *Henry L.* Anciennes familles genevoises. Etudes démographiques (XVI–XX siècle). Paris: PUF, 1956. 232 p.

Kuitula, 2020 – *Kuitula M.* Muurmannin rannalle ja Venäjän Lappiin: Suomalaisten siirtolaisuus Kuolan niemimaalle ja kuolansuomalaiset 1858-1917. Helsinki: University of Helsinki, 2020. 420 p.

Nielsen, 2006 – *Nielsen J.P.* The Murman Coast and Russian Northern Policies ca. 1855-1917 // *In the North My Nest is Made: Studies in the History of Murman Colonization 1860–1940.* Saint Petersburg. 2006. P. 10-27.

Onnela, 1973 – *Onnela S.* Muurmannin rannan luterilaiset v. 1887-1888 // *Scripta Historica.* 1973. 3. Pp. 70-112.

References

Fedorov, 1996 – *Fedorov, P.V.* (1996). Istoriya Trifono-Pechengskogo monastyrya (1886-1917 gg.) [The history of the Trifono-Pechengskiy Monastery (1886-1917)]. Murmansk: MGPI, 70 p. [in Russian]

Fedorov, 2014 – *Fedorov, P.V.* (2014). Kul'turnye landshafty Kol'skogo Severa: struktura i istoricheskaya dinamika [Cultural landscapes of the Kola North: structure and historical dynamics]. Murmansk: MGGU, 175 p. [in Russian]

Fedorov, 2014 – *Fedorov, P.V.* (2014). Murman Coast of the Barents Sea at the Second Half of the 19th and the Beginning 20th Century. Russian or European Colonization? *Bylye Gody.* 32: 162-167.

Fedorov, 2021 – *Fedorov, P.V.* (2021). Rossiya, okruzhennaya vodoi: obzor istorii Kol'-skogo poluostrova. 1216-1991 [Russia surrounded by water: an overview of the history of the Kola Peninsula. 1216-1991]. Sankt-Peterburg, 726 p. [in Russian]

GAMO – Gosudarstvennyi arkhiv Murmanskoi oblasti [State archive of the Murmansk region].

Gebel', 1905 – *Gebel', G.F.* (1905). Nasha severo-zapadnaya okraina – Laplandiya [Our north-western outskirts are Lapland]. *Russkoe sudokhodstvo.* 7: 72-85. [in Russian]

Henry, 1956 – *Henry, L.* (1956). Anciennes familles genevoises. Etudes démographiques (XVI–XX siècle) [Ancient Genevese families. Demographic studies (XVI-XX century)]. Paris: PUF, 232 p. [in French]

Ientoft, 2002 – *Ientoft, M.* (2002). Ostavshiesya bez Rodiny. Istoriya kol'skikh norvezhtsev [Left without a homeland. History of the Kola Norwegians]. Murmansk: Reklamnaya poligrafiya, 238 p. [in Russian]

Kuitula, 2020 – *Kuitula, M.* (2020). Muurmannin rannalle ja Venäjän Lappiin: Suomalaisten siirtolaisuus Kuolan niemimaalle ja kuolansuomalaiset 1858-1917 [Murmansk beach and Russian Lapland: migration of Finns to the Kola Peninsula and the Kola Finns 1858-1917]. Helsinki: University of Helsinki, 420 p. [in Finnish]

Lyubavskii, 1996 – *Lyubavskii M.K.* (1996). Obzor istorii russkoi kolonizatsii [Overview of the history of Russian colonization]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 682 p. [in Russian]

[Malashenkov, Fedorov, 2010](#) – *Malashenkov, A.A., Fedorov, P.V.* (2010). Kolyane (XIX – pervaya chetvert' XX v.): istoriko-genealogicheskii atlas [Kolyane (XIX – the first quarter of the XX century): historical and genealogical atlas]. Murmansk: MGPU. Ch.1: Slovar'. 280 p. [in Russian]

[Malashenkov, Fedorov, 2011](#) – *Malashenkov, A.A., Fedorov, P.V.* (2011). Kolyane (XIX – pervaya chetvert' XX v.): istoriko-genealogicheskii atlas [Kolyane (XIX – the first quarter of the XX century): historical and genealogical atlas]. Murmansk: MGPU. Dopolnit'naya chast'. Ukazateli. 230 p. [in Russian]

[Malashenkov, Fedorov, 2017](#) – *Malashenkov, A.A., Fedorov, P.V.* (2017). Pochva na severnykh skalakh: Pravoslavnyi nekropol' Murmanskogo berega Barentseva morya (1863-1920 gg.) [The soil on the northern rocks: The Orthodox necropolis of the Murmansk coast of the Barents Sea (1863-1920)]. SPb: Mezhdunarodnyi bankovskii institut. 640 p. [in Russian]

[Mironov, 2000](#) – *Mironov, B.N.* (2000). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [The Social History of Russia during the Empire Period (XVIII – early XX century): The Genesis of the Individual, the Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law State]. V 2-kh t. SPb: Dmitrii Bulanin. T. 1. 547 p. [in Russian]

[Nielsen, 2006](#) – *Nielsen, J.P.* (2006). The Murman Coast and Russian Northern Policies ca. 1855-1917. In the North My Nest is Made: Studies in the History of Murman Colonization 1860–1940. Saint Petersburg. Pp. 10-27.

[Nil'sen, 2001](#) – *Nil'sen, I. P.* (2001). Murman i Finmark: odnogo li polya yagody? (sravnitel'nyi metod v izuchenii politiki tsarskoi administratsii po osvoe-niyu Murmanskogo poberezh'ya) [Murmansk and Finmark: berries from the same field? (comparative method in the study of the policy of the tsarist administration for the development of the Murmansk coast)]. *Menyayushchayasya Rossiya v izmenyayushchemsya mire*: Sbornik statei. M.; Arkhangel'sk. Pp. 33-45. [in Russian]

[Onnela, 1973](#) – *Onnela, S.* (1973). Muurmännin rannan luterilaiset v. 1887–1888 [Lutherans of Murmann Beach 1887-1888]. *Scripta Historica*. 3: 70-112. [in Finnish]

[Popov, Davydov, 1999](#) – *Popov, G.P., Davydov, R.A.* (1999). Murman: Ocherki istorii kraja XIX – nachala XX v. [Murman: Essays on the history of the region of the XIX – early XX century]. Ekaterinburg: Izd-vo UrO RAN, 220 p. [in Russian]

[PSZ-II](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 2-e. [in Russian]

[Smirnova, 2002](#) – *Smirnova, S.S.* (2002). Smertnost' v Olonetskoj gubernii v XIX – nachale XX vv.: k voprosu o fiksatsii prichin smerti (po materialam metriche-skikh knig) [Mortality in the Olonets province in the XIX – early XX centuries: on the issue of fixing the causes of death (based on the materials of metric books)]. *Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. 30: 196-199. [in Russian]

[Sovkov, 2004](#) – *Sovkov, D.M.* (2004). Krest'yanskaya sem'ya Yuzhnogo Zaural'ya: genealogo-demograficheskii aspekt (na primere krest'yanskikh rodov Primiass'ya kontsa XVIII – nachala XIX vv.) [Peasant family of the Southern Trans-Urals: genealogical and demographic aspect (on the example of peasant families of the Primiassya of the late XVIII-early XX centuries)]: Diss... kand. ist. nauk. Kurgan, 275 p. [in Russian]

[Statisticheskie issledovaniya...](#) – Statisticheskie issledovaniya Murmana [Statistical studies of Murman]. SPb., 1904. T. 1. Vyp. 2: Kolonizatsiya (po materialam 1889, 1900 i 1902 gg.). 293 p. [in Russian]

[Ushakov, 1997](#) – *Ushakov, I.F.* (1997). Izbrannye proizvedeniya: istoriko-kraevedcheskie issledovaniya [Selected works: local history studies]. V 3 t. Murmansk: Murmanskoe knizhnoe izdatel'-stvo. T. 1: Kol'skaya zemlya. 646 p. [in Russian]

[Zherebtsov, 1996](#) – *Zherebtsov, I.L.* (1996). Naselenie Komi kraja vo vtoroi polovine XVI – nachale XVIII v. [The population of the Komi region in the second half of the XVI-early XVIII century]. Ekaterinburg: UrO RAN; Syktyvkar: IYaLI, 256 p. [in Russian]

«Правительственная колонизация» Мурманского берега Баренцева моря: демографическая картина по данным метрических книг (1873–1920 гг.)

Павел Викторович Федоров ^{a, *}, Алексей Анатольевич Малашенков ^a

^a Международный банковский институт им. Анатолия Собчака, Российская Федерация

Аннотация. В статье отмечается, что недостаток демографической статистики является существенной проблемой при изучении истории российской колонизации. Одним из способов ее

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sever-nordica@yandex.ru (П.В. Федоров), malashenkov_84@list.ru (А.А. Малашенков)

решения может стать реконструкция демографических данных на основе анализа источников первичного учета населения, в частности метрических книг.

В данной статье приводятся некоторые результаты обработки метрических книг православных приходов Мурманского берега Баренцева моря за 1873–1920 гг. Полученная картина существенно дополняет и корректирует бытующие в исторической науке представления о проекте «правительственной колонизации», запущенном в этом ареале Русской Арктики в эпоху «Великих реформ», на основе положений, утвержденных Александром II в 1868 и 1876 гг.

Выявленная демографическая статистика свидетельствует о том, что в процессе «правительственной колонизации» Мурманского берега социальная адаптация православного населения имела положительную динамику. Увеличивалась не только сама численность жителей, но и активно формировалась семейно-родственная структура. Местное население сохраняло моральный облик и соблюдало православные церковные обычаи, о чем свидетельствуют данные о крайней редкости троебрачия, об отказе заключать браки в период постов перед Пасхой и Рождеством Христовым, а также снижении удельной доли зачатий в эти периоды.

Успешность социальной адаптации лиц православного вероисповедания на берегу Баренцева моря была подготовлена ходом сезонной колонизации Мурманского берега русскими промышленниками, в течение многих веков приходившими на мурманский промысел с берегов Белого моря. Территория Архангельской губернии стала главным поставщиком жителей Мурманского берега. Вместе с тем с начала XX века сюда переселялись мигранты и из других мест Российской империи.

Ключевые слова: колонизация, демография, Арктика, Великие реформы, Российская империя, рождаемость, браки, семья, Кольский полуостров, рыбный промысел, миграция.